наступивших последствий.

В ходе достижения договоренностей между обвиняемым (подозреваемым) и потерпевшим при применении процедуры посредничества возможно решение вопроса о заглаживании причиненного преступлением вреда в удобной или приемлемой для потерпевшего форме. Это может быть уплата денег, восстановление (ремонт, воссоздание) имущества за свой счет или своими силами или компенсация в виде передачи каких-либо товарно-материальных ценностей.

Немаловажным с точки зрения эффективной защиты частных интересов в уголовном судопроизводстве является и просто возврат в целостности и сохранности именно тех вещей, предметов, документов и иных ценностей, которые были незаконно изъяты у потерпевших в результате совершенного преступления. Такие вещи, предметы или документы для них могут иметь особую ценность, а их утрата являться тяжелой потерей. Не говоря уже о случаях хищений произведений искусства, являющихся единственными в своем роде и представляющих собой большую художественную ценность.

Как показывает практика, обеспечить возврат таких вещей только лишь усилиями органов уголовной юстиции, без их добровольной выдачи обвиняемыми, удается не всегда. Применение же медиации по уголовным делам существенно облегчит решение этой проблемы.

Таким образом, повышение эффективности защиты частных интересов в уголовном процессе должно идти как за счет совершенствования самой уголовно-процессуальной деятельности, так и путем внедрения соответствующих примирительных и иных альтернативных процедур, в том числе, и посредничества.

Литература

1. Форма № 4. Отчет о суммах ущерба от преступлений, суммах материальных взысканий в доход государства, суммах судебных издержек / http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1309
2. Подробнее об этом см. в книге: Чекулаева Д.П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба, М., 2006.
3. *Воскобитова Л.А.* Модельный закон субъекта РФ «О службе примирения» // Мировой судья. 2007. №1.
4. *Арутюнян А.А.* Медиация в уголовном процессе: Автореф. дис… кандидат юридических наук. М., 2012.

УДК: 343.126

Хапаев И.М.

ПРИМЕНЕНИЕ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ

В статье исследуется проблема слишком широкого применения меры пресечения в виде заключения под стражу. Автор анализирует причины возникновения и сохранения такой ситуации, а также предлагает способы ее разрешения.

In the article investigates the problem of the too widespread use of remand in custody. The author analyzes the reasons for the emergence and persistence of such a situation, as well as offer-ing ways to resolve it.

Ключевые слова: *мера пресечения, заключение под стражу, суд, прокурор, защитник, подсудимый.*

Keywords: *the measures of restraint, detention, court, prosecutor, lawyer, accused.*

Удельный вес уголовных дел, при расследовании которых в отношении обвиняемых избирается заключение под стражу, в Российской Федерации остается высоким, но при этом наблюдается позитивная тенденция к его снижению: в 2004 г. – 26,1 % (от общего числа уголовных дел, поступивших в суд); в 2005 г. – 29,2 %; в 2006 г. – 29,0 %; в 2007 г. – 28,0 %; в 2008 г. – 28,2 %; в 2009 г. – 26,9 %; в 2010 г. – 23,5 %; в 2011 г. – 22,4 % [1].

Результаты одного из первых исследований судебной практики в части избрания заключения под стражу показали, что проблема ши-

рокого распространения незаконных и необоснованных арестов по-прежнему актуальна. В частности, было установлено, что «из общего числа лиц, освобождаемых из следственных изоляторов, самые большие цифры (около 50 %) – это данные о лицах, которые осуждены условно или к мерам наказания, не связанным с лишением свободы». Среди других оснований называются прекращение дел по амнистии, изменение меры пресечения, оправдательные приговоры [2, с. 18]. Похожие по своему характеру данные привел глава ФСИН Ю. Калинин, рассуждая о ситуации, сложившейся в 2005 г.: «Из зала суда было освобождено 65 тысяч человек, около двух тысяч из них – из-за отсутствия состава преступления… Что касается остальных, им вынесены наказания, не связанные с лишением свободы» [3]. Неутешительны и отдельные показатели за пятилетний период в целом по стране: так, в 2002 г. из общего числа оправданных судами 26 % содержались под стражей, в 2003 – 23 %, в 2004 – 20 %, в 2005 – 18 %, в 2006 – 17 % [4, с. 5].

В дальнейшем подтвердил распространенность случаев незаконного и необоснованного заключения под стражей и заместитель директора ФСИН РФ В. Семенюк: «Ежемесячно в следственные изоляторы поступают более 30 тыс. человек. Потом каждый пятый из них освобождается в связи с прекращением уголовных дел или назначением наказания, не связанного с лишением свободы. Кого-то оправдывают» [5]. В свою очередь Генеральный прокурор Российской Федерации Ю. Чайка в ежегодном докладе в Совете Федерации отметил, что в 2008 г. через содержание в камерах следственных изоляторов прошли 75 тыс. человек, которые впоследствии были оправданы [6, с. 62].

Закономерным следствием столь необоснованно широкого применения заключения под стражу стало сохранение непростой ситуации в следственных изоляторах, условия содержания в которых зачастую тяжелее условий содержания в исправительных учреждениях, что неоднократно отмечалось как практическими работниками [7, с. 14], так и Европейским Судом в постановлениях по жалобам против Российской Федерации [8] и Комитетом Министров Совета Европы [9].

Таким образом, необходимо признать, что заключение под стражу остается одной из наиболее распространенных мер пресечения. Цели значительного повышения качества рассмотрения вопроса об избрании ареста, а также исключения случаев его незаконного и необоснованного применения, заявленные авторами «Концепции судебной реформы в РФ» и разработчиками УПК РФ, все еще не достигнуты.

Сложившаяся ситуация вызывает острую критику ученых, вынужденных признать неожиданно низкую эффективность судебного контроля, а также фактическую декларативность основных идей судебной реформы [10, с. 25]. Серьезную озабоченность высказала Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, посвятившая данной теме доклад под названием «Об обеспечении гарантий прав подозреваемых и обвиняемых в связи с применением меры пресечения в виде заключения под стражу» [11].

Повышенное внимание к столь важным вопросам демонстрируют и высшие судебные органы России. Так, Верховный Суд РФ, неоднократно производивший обобщение судебной практики, указал на существенные недостатки и провозгласил ряд мер для их исправления в своих постановлениях [12]. Конституционный Суд РФ в результате рассмотрения соответствующих жалоб вынес несколько постановлений и определений, в которых также сформулировал ряд руководящих принципов, направленных на обеспечение законного и обоснованного применения заключения под стражу [13].

В свою очередь Генеральная прокуратура РФ на разных этапах действия УПК РФ издавала приказы относительно прокурорского надзора за соблюдением законов органами расследования, направленные на улучшение практики в этой области [14].

Несмотря на все предпринятые усилия, проблема чрезмерного количества незаконных арестов в России, носящая серьезный структурный характер, сохраняется.

Неудивительно, что при таких обстоятельствах Комитет Министров Совета Европы представил Меморандум «Содержание под стражей в Российской Федерации: меры по исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека» (далее – Меморандум Комитета Министров Совета Европы) [15] в целях оказания содействия в осуществлении контроля за исполнением Российской Федерацией постановлений Европейского Суда, в

которых установлены неоднократные нарушения ст. 5 Европейской Конвенции в связи с чрезмерно длительным или незаконным применением меры пресечения в виде заключения под стражу. В Меморандуме Комитета Министров Совета Европы отмечается, что деятельность судей и прокуроров «не полностью соответствует ни Уголовно-процессуальному кодексу РФ, ни Европейской Конвенции», а также содержится обобщение усилий, принятых властями Российской Федерации с целью улучшения сложившейся ситуации, излагаются некоторые ключевые направления, которым могут следовать власти Российской Федерации при дальнейшем совершенствовании мер по обеспечению выполнения требований Европейской Конвенции в этой области.

К числу причин неоправданно широкого применения заключения под стражу следует отнести:

– несовершенство уголовно-процессуального закона [16]. Важно отметить, что речь идет не столько о нормах, касающихся непосредственно заключения под стражу, сколько о нормах, регламентирующих порядок и условия применения иных, более мягких, мер пресечения (прежде всего – залога и домашнего ареста), которые являются разумной альтернативой заключению под стражу. Дефектность норм об иных мерах пресечения (за исключением широко распространенной подписки о невыезде и надлежащем поведении) во многом предопределила уникальный характер их применения (например, согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2004 г. суды рассмотрели 892 ходатайства об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, из которых удовлетворили 838; в 2005 г. рассмотрено таких ходатайств – 555, из которых удовлетворено – 518; в 2009 г. рассмотрено – 164, удовлетворено – 146; в 2010 г. рассмотрено – 754, удовлетворено – 668; в 2011 г. рассмотрено – 1539, удовлетворено – 1346; в первой половине 2012 г. рассмотрено – 1338, удовлетворено – 1202);

– профессиональную некомпетентность и недобросовестность соответствующих должностных лиц (дознавателей, следователей, руководителей следственного органа, прокуроров и судей) [17]: незнание, непонимание, неверное толкование, включая так называемую «профессиональную солидарность» [18, с. 20] у судей, а также умышленное нарушение основных требований, предъявляемых к заключению под стражу как к исключительной мере пресечения и установленных международными правовыми актами, российским уголовно-процессуальным законодательством, Европейским Судом, Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. Так, В. Золотых, заместитель председателя Ростовского областного суда, отмечает: «… в работе судов области в ряде случаев проявились признаки формального подхода к рассмотрению указанной категории материалов. Судьи, порой, автоматически удовлетворяли ходатайства следователей о заключении подозреваемых (обвиняемых) под стражу, и это свидетельствует о том, что судьи не склонны рассматривать процедуру избрания меры пресечения в качестве такого направления своей деятельности, которое является таким же важным и ответственным, как и разрешение дела по существу. Изучение показало, что нередко судьи принимали решение о заключении подозреваемых (обвиняемых) под стражу при отсутствии и с нарушением процессуальных гарантий, предусмотренных УПК» [19, с. 10]. В определенной мере, особенно на начальном этапе действия УПК РФ, подобные факты можно объяснить и отсутствием у судей навыков принятия обоснованных и законных решений при рассмотрении такого рода ходатайств, поскольку институт судебного ареста – новелла в уголовно-процессуальном законодательстве России. Вместе с тем в качестве еще одной существенной причины широкой распространенности незаконных арестов, связанной с личностью судьи, следует рассматривать обвинительный уклон – «прочное закрепление в правосознании работников судебной системы принципа приоритетной защиты государственных интересов, под которыми они понимают прежде всего интересы борьбы с преступностью» [20, с. 26], при этом судьи сразу ставят подозреваемого, обвиняемого в положение обязанного претерпевать серьезные ограничения. Таким образом, речь идет о проявлении профессиональной деформации, которую считают одной из причин совершения судьями и другими должностными лицами ошибок вследствие появления у них «подозрительности, равнодушия к людям, автоматизма, поспешности в работе и т.п.» [21, с. 86].

Итак, в целях обеспечения эффективного применения заключения под стражу, а значит,

и приведения в соответствие с требованиями международных стандартов судебной практики избрания данной меры пресечения и продления срока ее действия требуется дальнейшее совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Оно должно включать не только изменения норм, регулирующих процедуру избрания заключения под стражу, но и устранение недостатков и пробелов закона в части, регламентирующей порядок применения залога и домашнего ареста, рассматриваемых в качестве основной альтернативы заключению под стражу, а в перспективе – в качестве мер, способных практически полностью вытеснить наиболее строгую меру пресечения [22].

Не менее важным, чем совершенствование существующих, является разработка новых мер пресечения. В специальной литературе предлагается рассмотреть возможность как комбинирования мер пресечения, так и сочетания с иными мерами уголовно-процессуального принуждения. Особое внимание следует уделить и возможности применения научно-технических разработок (в частности, электронного наблюдения, уже применяемого в рамках эксперимента в отношении осужденных).

Ряд авторов [23] высказывают идею возрождения в России института судебных следователей [24, с. 15 – 19], предполагающую передачу следственного аппарата в ведение судов, что, в свою очередь, должно позволить «безболезненно» (в смысле соответствия требованиям международного права) наделить правом применения заключения под стражу данное должностное лицо. По мнению авторов, позитивными результатами такого рода изменений должны стать: 1) уменьшение нагрузки на судей районного звена; 2) исключение случаев (повторного) участия в рассмотрении уголовного дела судьи, который вынес решение по мере пресечения [25, с. 114]; 3) значительное улучшение качества следствия. При этом отмечается, что подобный субъект известен уголовному процессу России еще по Уставу уголовного судопроизводства 1864 г., а также предусмотрен законодательством целого ряда развитых стран.

Однако согласиться с этим мнением невозможно, по крайней мере, в части передачи полномочий по применению наиболее строгих мер принуждения лицу, осуществляющему производство по делу, так как в таком случае практически полностью исключается вероятность объективного, независимого и беспристрастного разрешения столь важного вопроса. Именно по этой причине данную идею резко критиковал П.И. Люблинский. В своей работе «Свобода личности в уголовном процессе» он писал: «Напрягать одновременно внимание на две противоположные стороны дела – с одинаковой силой и без всяких субъективных предположений созидать здание доказательств и тут же разрушать его психологически почти невозможно: активная деятельность, чтобы быть успешной, должна происходить по определенному плану, создаваемому заранее. Понятно, поэтому, почему современного следователя иронически различные авторы именуют Пенелопой, Сизифом, Двуликим Янусом» [26, с. 418 – 419].

Еще одним свидетельством ошибочности указанной идеи является и тот факт, что во французском уголовном процессе произошла обратная ситуация, а именно: согласно Закону от 15 июня 2000 г. решение о заключении под стражу принимает не судебный следователь, а судья по свободам и заключению, действительно отвечающий требованию независимости. И это даже при том условии, что «с момента принятия кодекса 1808 г. неуклонной тенденцией развития французского предварительного следствия было все большее упрочнение юрисдикционных функций следственного судьи и одновременно ослабление его розыскных полномочий … Иными словами, следственный судья становится все менее следователем и все более судьей» [27, с. 329].

Таким образом, правильной представляется идея введения в российскую систему судебных органов другой должности – должности следственного судьи (более близкого по статусу к судье по свободам и заключению из французского уголовного процесса), который осуществлял бы различные формы судебного контроля в досудебном производстве [28, с. 94]. Критики подобного подхода высказывают мнение, что его реализация в силу сложности и трудоемкости будет скорее «больше генерировать проблем, чем решать их» и что возложение только судебно-контрольных обязанностей может повлечь «шаблонность мышления, сужение рамок профессиональной деятельности и другие негативные последствия, приводящие к обострению проблемы профессиональной деформации» [29, с. 100]. Однако десятилетняя практика применения УПК РФ показывает, что перечисленные не-

достатки в полной мере проявились как раз в рамках существующей судебно-контрольной системы, которую критики института следственных судей считают более полезной и эффективной. Природа такого явления объясняется разными обстоятельствами: высокой служебной нагрузкой судей районного звена; их недооценкой значения судебно-контрольной деятельности; наличием у судей дефекта правосознания – обвинительного уклона, «профессиональной солидарности»; дефицитом соответствующих знаний, умений и навыков и др.

Введение института следственных судей гарантирует серьезное преимущество:

– во-первых, обучение особого судейского корпуса потребует гораздо меньших материальных и временных затрат и одновременно гарантирует ощутимо большую эффективность, т.е. будет носить точечный и высокорезультативный характер и, как следствие, позволит в дальнейшем обоснованно повысить требовательность к качеству решений, принимаемых специально обученными представителями судебной власти;

– во-вторых, существенно снизится актуальность большинства названных выше недостатков личностного характера, свойственных судьям районного звена;

– в-третьих, появится реальная возможность добиться уменьшения нагрузки на судей районного звена, исключить случаи повторного участия в рассмотрении уголовного дела судьи, задействованного на досудебных стадиях процесса, и в то же время гарантировать отсутствие побочных эффектов, неизбежных в случае передачи судебно-контрольных полномочий судебному следователю.

Литература

1. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2004 – 2011 гг. [Электронный ресурс] // URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=5&item=258.

2. *Гуляев А., Зайцев О.* Заключение под стражу на предварительном следствии // Законность. 2003. № 4.

3. Приглашение в тюрьму. Интервью с Ю. Калининым // Российская газета. 2006. 28 июля. № 164.

4. *Ермоленко Т.Е.* Реализация принципа обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту при применении мер процессуального принуждения, связанных с ограничением свободы: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007.

5. Россия: «Неоправданно широкое заключение граждан под стражу». 11 марта 2008 [Электронный ресурс] // URL: http://www.ng.ru/ideas/2008-03-11/14_prison.html

6. *Руднев В.И.* О необходимости разработки новых мер пресечения, альтернативных заключению под стражу // Журнал российского права. 2009. № 6. С. 62.

7. *Семенюк В.И.* О правовом регулировании заключения под стражу // Российский следователь. 2006. № 10. С. 14.

8. Речь о нарушении ст. 3 Европейской Конвенции, которая гласит: «Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию». См., напр.: Постановления Европейского Суда по делам: «Новоселов против Российской Федерации» (жалоба № 66460/01) от 2 июня 2005 г., «Худоеров против Российской Федерации» (жалоба № 6847/02) от 8 ноября 2005 г., «Бенедиктов против Российской Федерации» (жалоба № 106/02) от 10 мая 2007 г. и др.

9. Согласно данным, приведенным в Меморандуме Комитета Министров Совета Европы (§ 4) средний уровень переполненности следственных изоляторов составляет 13,9 % от лимита наполняемости.

10. См., напр.: *Золотухин Б.А.* Все ушли на законодательную базу (беседу вел Леонид Никитинский) // Новая газета. 2004. 29 апр.; Новицкий С.С. Конституционно-правовые основы защиты лиц, заключенных под стражу в Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

11. Доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации [Электронный ресурс] // URL: http://www.fparf.ru/doklad/o_zakluchenie.htm

12. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров

Российской Федерации», от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», от 29 октября 2009 г. № 22 «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста» // СПС «Гарант».

13. См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 22 марта 2005 г. № 4-П, Определения Конституционного Суда РФ от 12 июля 2005 г. № 330-О, от 11 июля 2006 г. № 268-О, от 15 ноября 2007 г. № 801-О-О, от 25 декабря 2008 г. № 934-О-О, от 19 февраля 2009 г. № 107-О-О // СПС «Гарант».

14. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 5 июля 2002 г. № 39 «Об организации прокурорского надзора за законностью уголовного преследования в стадии досудебного производства», Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 6 сентября 2007 г. № 137 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов дознания», Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 2 июня 2011 г. № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия» // СПС «Гарант».

15. Меморандум Комитета Министров Совета Европы от 12 февраля 2007 г. «Содержание под стражей в Российской Федерации: меры по исполнению постановлений Европейского Суда по правам человека» // СПС «Гарант».

16. *Салтыков Е.В.* Домашний арест в российском уголовном процессе: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2007. С. 7; Григорьева А.Е. Вопросы теории и практики избрания следователями органов внутренних дел отдельных мер пресечения: залога и домашнего ареста: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. С. 3, 4; и др.

17. См., напр.: *Бетрозов С.А.* Проблемы реабилитации и незаконного ареста в уголовном процессе России // Известия Вузов: Правоведение. 2005. № 3.

18. Под «профессиональной солидарностью» подразумевают понимание судьями трудностей следственной работы, желание как-то способствовать преодолению этих трудностей (См.: Петрухин И.Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию. М., 2009).

19. *Золотых В.* Заключение под стражу по решению суда (Обобщение практики применения ст. 108 УПК РФ) // Российская юстиция. 2002. № 11.

20. *Зубков А.И., Зубкова В.И.* Проблемы реформирования уголовной (карательной) политики на современном этапе // Журнал российского права. 2002. № 5.

21. *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980.

22. Применительно к залогу и домашнему аресту законодатель уже предпринял важные шаги, частично устранив недостатки ст. 106 УПК РФ Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. (№ 60 – ФЗ), ст. 107 – Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. (№ 420 – ФЗ). См. также: Федеральный закон от 5 июня 2012 г. (№ 53 – ФЗ).

23. См., напр.: *Пешков М.А.* Арест и обыск в уголовном процессе США. М., 1998. С. 61; Рощина Ю. Судебный следователь гарантирует объективность // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 60, 61.

24. В научной литературе возникла терминологическая путаница: ряд авторов рассматривают «следственного судью» и «судебного следователя» как идентичных субъектов уголовного судопроизводства. Между тем статус этих участников отличается. Подробнее об этом см.: Ковтун Н.Н. О понятии и содержании понятия «судебный следователь» («следственный судья») // Российский судья. 2010. № 5.

25. Следует признать правильным мнение процессуалистов, считающих необходимым восстановить первоначальную редакцию ст. 63 УПК РФ. Как отмечает И.Б. Михайловская, «вряд ли даже на уровне здравого смысла можно предположить, что, лишая лицо свободы либо ограничивая иным образом его конституционные права, судья сохраняет свою внутреннюю свободу и беспристрастность, не оказывается под влиянием им же самим принятого решения». (Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М., 2010).

26. *Люблинский П.И.* Свобода личности в уголовном процессе. СПб., 1906.

27. *Гуценко К.Ф., Головко Л.В., Филимонов Б.А.* Уголовный процесс западных государств. М., 2001.

28. См., напр.: *Петрухин И.Л.* Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. 2007. № 2.

29. *Яблоков В.А.* Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: Дисс. … канд. юрид. наук. Самара, 2001.

УДК 342.7

Мельников В.Ю.

НАЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА, ОБЯЗАННОСТЬ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ

Описываются вопросы, связанные с выполнением назначением уголовного судопроизводства. Отмечается, что в структуре нормы права, регулирующей права и обязанности властных субъектов, должны содержаться четкое указание на последствия неправомерного поведения, санкции за нарушение требований закона и прав и свобод человека. Ответственность должна стать обязательным элементом правового статуса должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование.

Describes the issues associated with the implementation of the purpose of criminal proceedings. It is noted that the structure of the rules of law governing the rights and obligations of the government entities should contain a clear indication of the consequences of misconduct, sanctions for violation of the law and human rights and freedoms. Responsibility should be a mandatory element of the legal status of the officials in charge of the prosecution.

Ключевые слова: *человек, личность, права, свободы; обеспечение прав и свобод человека; уголовно-процессуальное законодательство.*

Keywords: *person, human, rights, freedoms; maintenance of the rights and freedom of the person; criminally-remedial legislation.*

Говоря о механизме обеспечения, реализации и защиты прав человека в уголовном процессе, необходимо определить цели уголовного процесса и его задачи, разграничить эти понятия. Необходимо конкретизировать выполнение властными субъектами своих функций и задач, решаемых в ходе производства по уголовному делу.

Направленность уголовно-процессуальной деятельности определялась через категории «цель» и «задачи» [1, с. 127 – 129]. Л.М. Володина справедливо отмечает, что законодателю следовало бы более точно выразить мысль о назначении уголовного судопроизводства. Защита участников уголовного судопроизводства от ошибок либо от злоупотребления должностных лиц, допущенных в ходе уголовного преследования, есть одно из средств достижения основной цели [2, с. 86].

Психологически цель «конструирует конкретную деятельность, определяя ее характеристику и динамику» [3, с. 10 – 21]. Поставленные задачи выполняются, если они, с одной стороны, четко определены и, с другой стороны, осознаны их исполнителем. Решение конкретной задачи (ряда задач) приближает поставленную цель. Цель позволяет определить ряд действий, осуществление которых необходимо для ее достижения.

Целью уголовно-процессуальной деятельности является защита человека и общества от преступлений. Наряду с понятием «цель», возникает необходимость привлечения еще одного понятия – «задачи». «Категория «цель» – философская, правовая, «задача» имеет более практическое, житейское употребление. В тех случаях, когда речь идет о выражении содержания этой категории в определенных правилах поведения, в нормативных актах, в направленности конкретной практической деятельности, более целесообразно пользоваться понятием «задача». Цели служат критерием для определения задач. Следовательно, назначением уголовно-процессуального законодательства является обеспечение достиже-